

Пьяный гений

Словенд.-1994.-10 сент.-с. 12,

В Музее личных коллекций открывается выставка Анатолия Зверева из коллекций Георгия Костаки и Дмитрия Апазиди

Мария Кондратьева

В

от уже полгода как открылся в Москве Музей личных коллекций при ГМИИ им. Пушкина, но до сих пор это место остается камерным, отчасти элитарным, недостаточно известным широкой публике. В сентябре Музей начинает выставочный сезон, основная идея которого — воздать почести не столько художникам, сколько коллекционерам, не самим создателям, но меценатам и покровителям. Первая выставка в новом Музее — Анатолий Зверев из коллекций Георгия Костаки (Греция) и Дмитрия Апазиди (Швеция). За ней последуют «Русский лубок» из коллекции Ровинского и японская гравюра из собрания Китаева — музей начнет широкий показ своих богатейших фондов графики.

Анатолий Зверев, безусловно, enfant terrible русского шестидесятничества, воплощенный архетип пьяного гения, который нужно было бы придумать, если бы он не был явлен самой природой и вращен на культурной почве русского андерграунда конца 50-х. Волна публикаций после смерти художника в 1986 году, затем — к выставке в Фонде культуры в 1989-м, издание нескольких альбомов завершили целостную картину мифа. Зверев мог быть перерожденцем русского юродивого, парижского клошара, но скорее всего — козлоногого сатира, вечного спутника Вакха («трагедия»,

как известно, — «песнь козлов»). Может быть, и вся жизнь его была бесконечной вакханалией, дионисийским празднеством, во время которого иногда зарождалось искусство. Стихийное начало в Звереве выразилось в полном отсутствии каких-либо комплексов, в том числе и по отношению к истории искусства. В «Автобиографии» он пишет: «Учителя я себе выбрал сам — это Леонардо да Винчи». Так сын крестьянина и рабочий однозначно определил свой идеал. В пять лет он получил «Сталинскую премию» — портрет Сталина в избирательном участке за картину «Уличное движение». В 1946-м опубликовал первый рисунок в газете «Советский спорт» под названием «Опасный момент у ворот московского «Спартака». Превращение в «первого русского экспрессиониста» произойдет позже, после встречи с ташизмом Поллока и Голмана, фестиваля 1957 года и покровительства знатоков.

Выставка в Музее личных коллекций демонстрирует прежде всего результат встречи двух личностей: всемирно известного коллекционера русского авангарда Георгия Костаки и художника Анатолия Зверева. Молодой, никому тогда не известный Зверев попал в доме Костаки в атмосферу, насыщенную искусством, как старым, так и современным. Именно здесь он мог познакомиться

ся и с молодыми художниками, и с редкими в ту пору иностранцами. Благодаря этим встречам несколько выставок Зверева за рубежом состоялись еще во времена глухого застоя. Даже если отношения художника и мецената не всегда были просты и однозначны, очевидно одно — без дружеской поддержки и помощи Костаки Зверев не имел бы ни своей нынешней популярности, ни, быть может, своего законченного стиля.

Искусствоведом известно, что у Зверева есть вещи очень талантливые, иногда гениальные, а есть откровенный кич, тиражирование собственных приемов. При чрезмерной плодовитости художника (он создал около 30 тыс. произведений), все они не могли быть гениальными. Сам Зверев вспоминал, как его первооткрыватель актер Александр Румнев поделил пачку рисунков: половина достойна музейных залов, половину — в печку. Показав те же половины Костаки, художник услышал совершенно противополож-

ное: работы «из печки» оказались лучшими. История рассудит коллекционеров. На выставке представлены работы конца 50-х — начала 60-х годов, сделанные в доме Костаки, в основном портреты членов семьи Костаки, автопортреты, пейзажи, а также около 120 рисунков, в том числе иллюстрации к «Золотому ослу» Апулея. Последние любезно предоставил Дмитрий Апазиди, ныне живущий в Швеции, большой друг Костаки, собиратель икон и русского искусства 1960-х годов.

Можно принимать или не принимать творчество Зверева в целом,

но этот ранний период рубежа 50-х—60-х был, видимо, самым плодотворным и удачным, тогда «огнедышащий вулкан» еще не начал выталкивать на поверхность все больше шлаков. Именно эти рисунки иногда сравнивают с графикой Матисса и Пикассо (кстати, в Музее личных коллекций выставка расположилась на том же этаже, что и зал Матисса-Делекторской). В этих гуашах сплав экспрессионизма и ташизма дал свои лучшие результаты, еще не превратившись в розово-сусальные портреты 70-х—80-х.

Многие любители Зверева почитают его не только как художника, но и как мыслителя и философа. Фальк заметил однажды, что «философское видение и переосмысление им окружающего — это большой дар мыслителя-Зверева художнику-Звереву». Зверев часто изрекал афоризмы и истины в форме стихов, рифмовал все, что говорил (иногда пророчески: «реклама-мама», или «Гуляет в траве молодость/и мнет в кустах цветы/и пишет поэт с гордостью/отдохнешь и ты»). К вернисажу в ГМИИ им. Пушкина немецкий издатель Тете Бетгер, организатор выставки, напечатал факсимильное издание 80-страничной рукописи Зверева с рисунками на полях — «Трактат об искусстве». Новый подарок библиофилам.

ПОРТРЕТ Г. Д. КОСТАКИ